

Окончание

Результаты многочисленных геологических исследований побережья восточного Причерноморья, а также имеющиеся данные о местоположении археологических памятников эпохи поздней бронзы и античности, широко распространенных на поверхности береговых валов побережья Колхиды, убедительно свидетельствуют о том, что к концу II тыс. до н. э. поверхность древнебереговых образований вышла из зоны активного штормового воздействия и стала доступной для временного или постоянного проживания.

В пределах окрестностей Сухума подобная ситуация отмечается, как для прибрежной полосы Сухумского мыса, с присутствующими на его поверхности памятниками поздней бронзы и классического периода, так и для расположенного к юго-востоку участка между устьевыми зонами рек Келасур и Мачара.

На прибрежной зоне низменности, занятой современным Сухумом, геологическая ситуация несколько отлична от участков открытого морского берега. Слабонаклонная прибрежная полоса суши расчленена рядом ложбин, по которым к морю выходят несколько малых рек побережья, среди которых наиболее крупной является Басла. Кроме этого, с осью примерно в районе Сухумской крепости, к морю открывается обширное ложбинообразное понижение, которое, по-видимому, наследует палеодолину реки Восточная Гумиста. Результаты инженерно-геологических исследований верхней части толщи показали, что базальные гравийно-галечные пески, поверхность которых вскрыта на глубинах 6,5–7 м. ниже современного уровня моря, перекрываются мощной толщей синих глин с прослоями торфа. В литературе отмечается присутствие, по крайней мере, двух горизонтов торфа, возраст наиболее молодого из которых косвенно относится к эпохе средней бронзы. Для наших целей наибольший интерес представляют не столько детали литологического строения, сколько сам характер стратиграфической последовательности верхней толщи отложений прибрежной низменности, отражающий постепенную смену болотных условий лагунными, в которых накапливалась приповерхностная толща синих глин, являющаяся «материком», на котором формировались культурные слои античной эпохи.

Кровля синей глины, расположенная на глубине 0,5–1,0 м. ниже современного уровня моря практически повсеместно в пределах приморской полосы перекрывается культурными остатками, которые относятся к периоду, начиная со второй половины VI в. до н. э.

Это позволяет, во-первых, оценить верхний возрастной рубеж существования лагунно-болотных условий в пределах современной прибрежной полосы, связанный с положением уровня моря, на отметках, близких к современным. Во-вторых, залегание на кровле субаквальных отложений разнообразных, в том числе строительных (фундамент Сухумской крепости) остатков, косвенно указывает на осушение прибрежной

ГРЕЧЕСКИЙ
СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#191

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.comРАБОТЫ ЧЕРНОМОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
НА РАН В 2001 ГОДУ

АВТОРЫ: М.Г. АБРАМЗОН, И.М. БЕЗРУЧЕНКО, Д.С. БЖАНИЯ, Ю.В. ГОРЛОВ, А.В. ПОРОТОВ, М.Д. КАЙТАМБА

ФРАГМЕНТ СТЕЛЫ ИЗ ДРЕВНЕЙ ДИОКУРИИ

низменности, одной из причин которого (с учетом умеренного по темпам, но унаследованного тектонического погружения прибрежной территории) может рассматриваться относительное понижение уровня моря в период фанагорийской регрессии. Резкая смена лагунных илов на субаэральные суглинки в приповерхностном слое этой толщи свидетельствует о сравнительно быстром переходе от субаквальных к субаэральным условиям, что не исключает дополнительного воздействия искусственного осушения прибрежной низменности.

С учетом наибольшей выявленной разведками на городской набережной глубине залегания культурных слоев, величина относительного понижения уровня оказалась не менее 3,5 м. ниже современного. В реальности, исходя из глубин залегания оснований южных стен крепостного комплекса, она может быть оценена в 5–6 м., ниже современного. К сожалению, более определенные геологические данные для оценки положения уровня моря в эту регрессивную фазу в литературе отсутствуют. Датированные по раковинному материалу слои, вскрытые

рядом скважин на глубинах 9–15 м., в прибрежной полосе шельфа, по своему литологическому типу едва ли могут быть отнесены к фациям береговой полосы и тем более к субаэральным условиям. Их можно было бы ожидать в результате осушения прибрежной территории в ходе понижения относительного уровня моря в фанагорийскую регрессию.

Принимая в первом приближении нахождение на глубинах 6–8 м. каменных развалов, идентификация которых остается в существенной мере открытой, и опираясь на особенности морфологии прибрежной отмели, в строении которой прослеживаются следы сходящейся сети палеоэрозийных ложбин малых рек, можно предположить, что прибрежная полоса мелководья до глубин 5–10 м. в «фанагорийское время» представляла собой заболоченную прибрежную низменность, расчлененную группой небольших рек на отдельные островки, малопригодные для постоянного обитания. Это обстоятельство может объяснить отсутствие на большей части прибрежной отмели в интервале глубин 3–5 м. широкого распростра-

нения культурных остатков, которые в этом случае должны локализоваться в строго ограниченных зонах. Учитывая открытость побережья, особенно при условии понижения относительного уровня моря, снизившего экранирующее от штормов влияние Сухумского мыса, наиболее вероятными участками выхода к морю могли являться устьевые участки рек.

Таким образом, рассмотренные кратко существующие материалы по археолого-палеогеографическому изучению развития побережья, в античную эпоху оставляет большую часть вопросов открытыми. Это в первую очередь касается изменений уровня моря во второй половине I тыс. до н. э. — первой пол. I тыс. н. э., которые могли бы послужить основой для реконструкции изменений ландшафтного облика и очертаний прибрежной полосы как одного из природных факторов, оказывавших влияние на социально-экономическое развитие местного населения и древнегреческих колоний. Частичное восполнение перечисленных выше пробелов и является задачей осуществляемого авторами проекта.

Другим направлением работ в рамках проекта было изучение археологической прибрежной части античной Диоскурии — Себастополиса. Раскоп площадью 150 кв. м. был заложен в северо-западной части побережья Сухумской бухты на территории турецкой крепости между участками, один из которых исследовался в недавнем прошлом Л. Г. Хрушковой, а на втором — раскопки ведет экспедиция Абхазского Государственного университета под руководством А. Н. Габелия. Другой практической задачей исследований стала необходимость уточнения общего плана древнего городища.

Вся площадь раскопа оказалась перекрыта слоем плотно утрамбованного толченого кирпича мощностью от 0,3 до 1 м., который представлял собой подсыпку покрытия спортивной площадки. Разница в мощности слоя объясняется необходимостью нивелировки естественной поверхности участка при современном строительстве, поскольку она имеет покат в сторону моря — с севера на юг.

Мощность вскрытого культурного слоя неодинакова и колеблется от 0,4 — 0,5 м., в северной части раскопа до южной — 1,2–1,3 м. Нигде работы не были доведены до материка. Выявлены следующие строительные остатки: два подвальных помещения в южной части участка, вскрытые не полностью и основания стен и по базилики в северной части. Основания стен подвальных помещений залегают на 0,6–0,65 м. ниже пола и основания стен базилики, но, судя по однородности керамического материала и характеру кладок стен, построены одновременно. Подвальные помещения были заполнены комковатым темно-серым или почти черным влажным суглинком, с большим количеством мелкой гальки. Никаких четко определяемых слоев не было выявлено, что говорит об одновременности заполнения помещений. К восточной стене западного подвала перпендикулярно примыкают три параллельно уложенных ряда камней высотой в один ряд, игравших, очевидно, роль оснований загорода для хозяйственных нужд. К северу от восточного подвала две правильно уложенные керамические трубы (в борте раскопа была видна третья). Особых сомнений в наличии здесь в древности водопровода, думается, не возникает. Направление водопровода — в сторону подвальных помещений, а уровень залегания — идентичен основаниям стен базилики. Это обстоятельство дало лишнее основание считать базилику и подвалы одновременными постройками.

Базилика расположена к северу от подвальных помещений и ориентирована длинными сторонами по оси запад-восток. Она представляет собой однонефную постройку с южным приделом. Возможен и северный, но северный фас соответствующей стены ещё скрыт бортом раскопа. Западная стена строения также ещё не раскопана, поэтому наличие нартекса можно только предполагать, основываясь на аналогиях, но не более.

Размеры открытой части базилики: с запада на восток составляют 11,0 м., с севера на юг — 6,8 м. (по заплечикам).

Апсида базилики — пятигранная с заплечиками, у оснований граней прослежен ряд камней (крупная галька), выступающих снаружи за линию граней. Они являются цоколем стен базилики. Внутренние камни, составляющие апсиду, выложены не совсем правильным полукругом, имеется небольшое искажение в южной части. Сохранились остатки синтрона 0,4 м. шириной, из цемьянки серовато-белого цвета. Алтарная часть также покрыта слоем красно-коричневой цемьянки и возвышается над уровнем пола нефа на 0,15 — 0,2 м. Она отделена от нефа частично сохранившейся в южной части каменной двухрядной выкладкой, имеющей в высоту один ряд камней. Пока трудно сказать, имеем ли мы в этом случае дело с остатками алтарной преграды. Выявлены два входа в базилику, оба шириной 1,44 м. в северной и южной стене, расположенных строго напротив друг друга. Стены нефов не «входят» до алтарной части, заканчиваясь означенными проходами. В северной стене был также прослежен заложённый камнями проход.

Стены базилики сложены из крупной гальки на известковом растворе, в некоторых местах использованы крупные известковые блоки вторичного использования, проходы обрамляют именно они. Высота сохранившихся стен 1-4 ряда кладки. Характер кладки стены южного придела несколько отличается от остальных: в ней, в некоторых местах использована плинфа и в целом она менее однородна. Основание этой стены лежит несколько выше, чем основание южной стены нефа. Эти обстоятельства, а также наличие заложённого прохода в северной стене позволяют предположить, как минимум две фазы существования постройки.

Самым интересным в исследуемом объекте является, наличие пола из фигурного кирпича с круглыми мраморными и треугольными вставками. Кирпич выложен двумя квадратами, образованными «рамками» из прямоугольных кирпичей с разделительной полосой между ними, расположенными у алтарной части. От алтарной части они отделены такой же полосой. Эти полосы выложены шестиугольными кирпичами, образующими ряды крестов, интервалы между которыми заполнены квадратными мраморными вставками. Внутренняя часть квадратов заполнена восьмиугольными кирпичами с круглыми мраморными вставками между ними. От западной части нефа квадраты отделяет такая же разделительная полоса из крестов с мраморными вставками. Примерно пополам неф делит линия, выложенная прямоугольными кирпичами, аналогичная «рамкам» квадратов. На запад обращена конфигурация из трёх (очевидно) треугольников, образованных такими же рамками, внутри них — узор из крестов, снаружи — узор, выложенный восьмиугольными кирпичами. Впрочем, и они тоже могут восприниматься как кресты, только с сильно укороченными и утолщёнными сторонами. Далее, в западной части пол почти не прослеживается, так как большая часть кирпичей утрачена.

ЭКСПОНАТЫ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ (ФОТОГРАФИИ АВТОРА, 2015 Г.)

АНТИЧНАЯ ЧЕРНОФИГУРНАЯ АМФОРА

ЭКСПОНАТЫ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ (ФОТОГРАФИИ АВТОРА, 2015 Г.)

СНИМОК ПОГРУЖЕННОЙ ПОД ВОДУ ЧАСТИ ДРЕВНЕЙ ДИОСКУРИИ.

Практически вся площадь базилики была засыпана грунтом с большим количеством мелких и средних камней, среди которых также встречено много фрагментов черепицы, который подстилала неровная прослойка известковой крошки. Во всем этом нельзя не видеть следов обрушившихся стен и кровли. В этом слое общего разрушения обнаружен ряд практически безинвентарных погребений, костяки которых вытянуты, а головы обращены на запад. Только в одном погребении найден медный крест, а в другом — нити золотого шитья, очевидно, от головной повязки. Шитьё было обнаружено на лбу детского погребения. Часть погребений находилась в зальной части базилики, причем, разрушила пол, другая — вне её, в районе южного придела. Считать эти погребения совершёнными в период существования самой церкви нельзя, так как именно они разрушили пол, а не находились под ним. Наличие креста, положение костяков, равно, как отсутствие инвентаря, позволяют считать эти погребения христианскими. Стратиграфическое положение их свидетельствует о том, что они были совершены в период полного разрушения базилики.

Приблизительная датировка возможна по керамическим фрагментам, обнаруженным в этом же слое: они не выходят за рамки IX века.

Из находок отметим фрагмент (сохранилось примерно три четверти) медного браслета с греческой надписью, представляющей имя владельца, медные монеты Марка Аврелия, Анастасия, Юстиниана I, про-

винциального римского чекана (каппадокийского?), беллонову монету (антониниан) Волузиана, а также серебряную турецкую монету, происходящую из слоя общего разрушения. Кроме того, обнаружены две неопределяемые медные монеты. Из других находок — уже упомянутые медный крест и остатки золотого шитья, граффити на стенке светлоглиняной амфоры, медную иглу для вязания сетей, фрагменты медных рыболовецких крючков, фрагменты медных фибул, одна из которых в форме утки, фрагменты полированных костяных стилей, терракотовая женская головка, керамическое пряслице, донце керамического бальзамария. В слое общего разрушения встречались фрагменты керамических турецких курительных трубок, периодически находились различные фрагменты стеклянных сосудов. Из относительно целых керамических сосудов были найдены два красноглиняных ребёрчатых кувшина.

Массовый материал представлен значительным числом амфорных фрагментов, среди которых преобладают изготовленные из местной глины; встречаются фрагменты аттической чернолаковой посуды и амфор средиземноморских и причерноморских центров классического и эллинистического периодов (Хиос, Фасос, Синопа и др.), светлоглиняных амфор (типы А, В, С/Д, Е, F по классификации Деопика и Круг), боспорских красноглиняных амфор конца II пер. пол. III, IV-VI вв. н. э.

Керамический материал, соответствующий времени существования и, возможно, одному из строительных периодов пред-

ставлен типами амфор типов 7, 23.1, 25.1, 31.1 и 32 по классификации Сазанова, которые датируются второй-третьей четвертью VI в. до н. э. и имеют аналогии из раскопок Цибилиума. В верхнем слое общего разрушения были обнаружены фрагменты амфор VIII-IX вв. н. э. типов 25.2; 27.3 по классификации Сазанова, что соответствует времени полного разрушения базилики и возникновению христианского кладбища на её месте. Представлена также столовая, как гончарная, так и лепная посуда и фрагменты краснолаковых сосудов.

Следует отметить, что основная масса находок происходит из подвальных помещений, что и понятно, так как именно там мы имеем культурный слой наибольшей мощности. Остатки базилики находились непосредственно под слоем засыпки кирпичной крошки, от которой её отделял только слой камней, известковой крошки и фрагментов черепиц. На самом полу базилики находок практически не было.

Предварительные соображения по исторической интерпретации могут выглядеть следующим образом. Прежде всего, все открытые постройки относятся к византийской эпохе, когда город носил имя Себастополис. Скорее всего, постройка базилики относится ко времени правления Юстиниана I, возможно, ко времени возвращения римских гарнизонов в Абасгию и Аписию в 555 году и, упоминаемым Прокопием Кесарийским в связи с этим возвращением, активным строительством и расцветом городов (Proc. Caes. Deaed., III, 7). Это вполне

согласуется с общим обликом базилики, главным образом, с наличием уникального пола, не имеющего аналогов в регионе Восточного Причерноморья. Тщательность изготовления фигурных кирпичей, аккуратность их укладки вместе с мраморными вставками, строгая геометричность рисунка подтверждают тезис о городском расцвете. Наличие двух фаз в строительных остатках базилики продатировать невозможно в силу отсутствия находок, хотя было бы очень соблазнительно связать строительство базилики с христианизацией апсидов на официальном уровне в 20-е — 30-е гг. VI века. Некоторое запустение — с оставлением византийским гарнизоном крепости в 544 году (Proc. Caes. De b. Goth., VIII, 4, 6), а восстановление и расширение — появление южного придела — с возвращением гарнизона через 13 лет, в 555 году. В пользу этого, вроде бы, говорит и преобладание керамики второй четверти VI века, и наличие к западу от района наших исследований (буквально в 15–20 м.) базилики, раскопанной Л. Г. Хрушковой. Но наличие базилик на ограниченной площади может трактоваться и как свидетельство в пользу первого предположения. Вторая гипотеза слишком привлекательна, чтобы принять её без дополнительной аргументации.

В планы дальнейших исследований входит продолжение изучения базилики, установление хронологических рамок существования христианского кладбища, что поможет уточнить время запустения городской жизни в Себастополисе.